

СЧАСТЬЕ

*Истинно счастливый человек тот,
кто думает не только о том,
что есть, но даже о том, чего нет.*
(«Рассказ неизвестного человека», А. П. Чехов)

1

Совесть мучает обычно не тех, кто виноват.
(«Время жить и время умирать», Э. М. Ремарк)

— А Валька-то что? — спросил я Юрку, продолжая разговор.

— Померла Валька в марте, — ответил тот, нахмурившись.

— Чего ж сестренку не сберег, олух?!

— Да я что! — заторопился оправдываться Юрка. — Я и в город ходил мешки таскать за хлеба шмат, и сам пахал, и сеял сам, и крупу воровал даже на станции! Вальке мамка все давала, что было, а все одно... Прихожу раз со станции, а она мертвая лежит уже.

Помолчали.

Хороший майский день. Мягко светит солнце, осторожно лаская соскучившуюся по теплу землю. Уже деревья выпустили листья, и в гуще леса завели свою возню птицы, оглашая округу пением. И стало так, будто и не было никогда холодного ветра, снега, зимнего голода. Будто две огромные воронки, оставшиеся на дороге от давнишней бомбежки, не воронки вовсе, а ходы, прорытые невесть зачем какими-то гигантскими кротами. Что бы ни происходило у людей, а природа живет по своим законам.

Я не видел Юрку с зимы. Жил он в соседней деревне, а работы у нас — пацанов, в отсутствие отцов, по весне невпроворот, вот и не видались до сего дня. Мы сидели на небольшом холме и смотрели, как солнце объезжает свои небесные владения; наверху ни облачка. Юрка загрустил, будто чувствовал себя виноватым в смерти сестры. Вертя в руках прохудившийся башмак, пацан зло затыкал брешь в нем тряпочкой. Башмаки нам надо беречь — где их взять, ежели к холодам испортятся совсем? — поэтому обыкновенно мы ходили босиком уже по весне, но сегодня Юрке что-то захотелось пофорсить.

— Понимаешь, Валька все молока просила у мамки, а где ж нам его взять, когда корова еще в тот год зимой от голода издохла? — Юрка закончил с башмаком и вдруг снова поник. — Не было у нас молока.

Я видел, как на Юркины глаза напоззли слезы, но старался не смотреть в его сторону. Реветь у нас считалось девчачьей слабостью, и, зная, что мой

приятель с трудом сдерживает себя, я не хотел подавать виду, что заметил это.

— Да, и у нас в деревне в половине дворов за три зимы дети малые померли. Что ж тут поделаешь, коли все на фронт ушли немца добивать и работать некому, а все, что ни делаем мы, то на фронт, в подмогу отправляем? — сказал я, стараясь не смотреть в Юркину сторону. — А Вальку, конечно, жалко.

Вспомнились мне ее большие карие глаза и румянец на веселом личике. Почему-то я вспомнил ее не худую и несчастную, устало бредущую с тяжелым бидоном воды от колодца к дому, — нет; вспомнилась мне Валька еще до войны, когда Юрка привел ее, трехлетнюю девчонку, на уроки в школу и спрятал под парту, чтобы учительница не видела. Так и сидела там Валька затаившись, подмигивала мне озорно, а весь класс аж ерзал на стульях: заметит Анна Ивановна эту «ученицу» или не заметит?

И до слез стало жаль Вальку от этих воспоминаний. Неожиданно Юрка вскочил на ноги и закричал:

— А что ж они меня немца добивать не берут?! Три раза в военкомат ходил, говорят, мал еще! — Он тяжело дышал, будто ему не хватало воздуха, — его душили чувства. — Двенадцать годов уже будет скоро! А они: мал, мал! Как похоронку отцовскую получать, так не мал?! Как по шестнадцать часов в сутки на станции работать, так не мал?! Как в мерзлой земле своей сестре могилу рыть, так не мал?! А фрицев бить вдруг мал! Как же так?!

Юрка не выдержал и заплакал. Без рыданий, изредка всхлипывая и резкими движениями вытирая слезы, непослушно бегущие из глаз по щекам.

— Да что ты, Юра! Ты думаешь, я на фронт не хочу?! Да мне военком сказал, что ежели сбегу сам на фронт, то поймает меня и в тюрьму посадит! — Я тоже перешел на крик. — Но прав он, пойми. Если мы с тобой да другие пацаны на фронт пойдём, то кто ж здесь деревню кормить-то будет? Все наши тогда вымрут. Мамка твоя с голоду помрет, как Валька, ты о ней подумал?!

— А один черт попрем, пока немца не добьем! Все подметки сапожные съели уже, березовую кору варим да жрем. Вы тоже ее грызете?!

— Грызем. Пока урожая нету еще никакого.

— Вот и все пропитание. А немца добьем, так быстрее все восстановим сообща, — веско заключил Юрка. — А я все равно сбегу на фронт! Вот только мамке хлеба соберу, чтоб продержалась до моего прихода, и сбегу.

— А если не вернешься? А если убьет тебя немец? — спорил я.

— У-у-у, фашисты проклятые! — злобно прорычал Юрка и стих.

Мы сидели и молчали, глотая слезы. Сейчас весна, сейчас тепло, скоро лето, скоро будет урожай, если заморозок не погубит; созреет рожь, картофель, брюква, и будет «сытая жизнь» до самой глубокой осени. До зимы точно дотянем, а там... Кто знает, как все обернется? Будем ли мы

следующей весной сидеть на этом холме с Юркой или не сбережем себя и ляжем в сырую, холодную землю студеной зимой. А может, и не ляжем... Рыть-то ее будет некому — старики почти все померли, а у баб откуда силы будут в голодную зиму? Так под снегом до весны можем и пролежать, если совсем худо в деревне будет. Эх! А может, и дотянем до весны. Нет! Обязательно дотянем! В тринадцать-то лет уже точно в армию возьмут — как смогут отказать! А с нами — со мной да с Юркой — мы быстро с фрицами покончим. Уж мы-то их жалеть не будем, церемониться не станем! Пока там командиры на фронте тянут, так вся страна повымрет чего недоброго. А мы подсобим, и все станет хорошо — победим быстро.

2

*Удивительно, что может сделать
один луч солнца с душою человека!
(«Униженные и оскорбленные»,
Ф. М. Достоевский)*

Так думали мы с Юркой, сидя на холме, утирая слезы, всматриваясь в даль, куда-то туда, где далеко-далеко большая желтая планета сияла в синеве небес, цепляя верхушки деревьев золотыми лучами. Как вдруг мы увидели на дороге облачко пыли и темную точку в нем, которая приближалась к нашему селу. Для машины из района пыли было маловато, да и не должно было быть на этой неделе в наши края машины, а для человека точка двигалась слишком быстро. Приглядевшись, мы поняли, что это был Федька — сын начальника станции, единственный мальчишка во всей округе, у которого был велосипед. Хоть и старый, и в шести местах имевший ремонт в колесах, но велосипед! Нам с Юркой не довелось кататься на нем, потому что, когда мы ходили на станцию, то без передыху работали, после чего уже не было сил крутить педали, да и Федька не давал прокатиться, говорил, что отец строго наказывал.

— Чего это с ним? — Юрка привстал и двинулся к дороге. — Пойдем поглядим, чего это с ним стряслось. Ишь как педали наяривает!

— Пойдем.

И мы оба поспешили спуститься к дороге навстречу Федьке. Тот и вправду крутил педали будто сумасшедший. Последний раз он так торопился, когда надо было поспеть на тушение пожара, но и тогда, пожалуй, он не спешил так неистово. Может, снова пожар где? Но, оглянувшись по сторонам, мы не увидели нигде никакого дымка, а если бы был пожар, то черная, угрожающая пелена непременно бы нависала клубами под небом. Нет, не горит вроде нигде.

Федька, видимо, увидел нас не сразу и стал тормозить, когда был уже довольно близко, да так неловко, что съехал на обочину, не справившись с управлением, и повалился набок в траву. Мы бросились поднимать его,

Наверное, стоило закатить пир на весь мир по такому случаю, но у нас ничего не было. Ничего, кроме безумного количества энергии, которая была родником из каждого. Люди плясали, некоторые ложились на дорогу и трясли ногами и руками; некоторые, не выдержав прилива энергии, как и мы с Юркой, начинали носиться по деревне, как безумные, выкрикивая все то же слово, которое мы, кажется, никогда не устанем повторять. Выбившиеся из сил бабы садились на траву и, закрыв лицо руками, плакали навзрыд от радости.

Мы долго металась по полю, бескрайнему, как наш восторг, пока не упали, задыхаясь от переполнявших чувств и долгой беготни. Лежа на земле, мы вглядывались в бездонное небо, словно растворяясь в нем. Вот теперь-то мы заживем по-настоящему! Мы представляли себе, как на наши поля вернутся работники, а мы снова пойдем в школу; как не будет больше холода и голода, потому что всего у нас теперь будет вдоволь, потому что главное, что мешало нашему счастью, — война — окончилась. Мы представляли себе, как наши отцы, пусть немного постаревшие и седые, вернутся в свои дома, как им будут рады матери. Мы вспоминали забытый звук возни в коровнике и плакали от мысли, что недалек тот день, когда вкус парного молока станет обыденностью. Но главное было не это. Главное — мы победили! И враг, которого мы ненавидели, который вырвал у нас самое дорогое — жизни наших близких, который топтал нашу Родину грязью своих сапог, — этот страшный враг повержен. А где-то далеко на западе наши солдаты взяли — наконец-то взяли! — штурмом Берлин. И значит, с войной покончено. А остальное все мы сделаем и сами, а остальное все — пустяки. И перевернуть мир, поставить его с головы на ноги — это не фантазия, а наша задача, то есть то, что мы сделаем в самое ближайшее время.

И мы лежали на мягкой земле, упоенные теплотой майского солнца, мы пили это солнце стаканами неба, мы растворялись в небесной синеве, безбрежной, как наша молодая, еще только начинающаяся, прекрасная жизнь. И ничего иного не было в наших душах, кроме одного на всех, огромного, не оставляющего места ни для чего иного, теплого и такого позабытого ощущения — счастья!

Благодарю за идею сюжета генерал-полковника Д.А. Волкогонова

Июль 2007